

I. ROZPRAWY I ANALIZY

DOI: 10.17951/et.2021.33.321

Анна Г. Кречмер

Universität Wien, Austria

ORCID: ATU37586901

e-mail: anna.kretschmer@univie.ac.at

Достандартная славянская письменность (этнолингвистический подход)

Older Slavic literature: An ethno-linguistic approach

Abstract: The study presents an ethno-linguistic approach to the secular pre-standard literature of the so called Slavia Orthodoxa in its final period. In focus are the methodological aspects of the research. The approach proposed here is based on a philological model developed by the author. The model operates on the text level and includes linguistic and non-linguistic (textological and sociolinguistic) properties of text. It has now been extended to cover the ethno-linguistic factor and is applied to the 17th–18th c. East Slavic and Serbian corpus.

Key words: text linguistics; ethno-linguistic approach; Slavia Orthodoxa – final period

Старая письменность представляет собой предмет исследования разных научных областей, подход к материалу задается при этом, как правило, концепциональными рамками соответствующей дисциплины. Рассматриваются при этом только отдельные аспекты и характеристики материала – но не текст как целое. Нами была поэтому сформулирована рабочая модель целостного филологического подхода к достандартной письменности (Kretschmer 1989). Ее основными постулатами являются следующие:

– непосредственный предмет исследования – текст со всеми своими характеристиками;

– метод сплошной дескрипции (что подразумевает отказ от априорной селекции, относительно как материала, так и методологии);

– включение в исследовательскую перспективу культурно-исторического контекста (что подразумевает отказ от аисторического подхода и механистического переноса современного состояния и восприятия на прошлое);

– принципиально контрастивный подход, на надэтническом уровне.

При таком подходе «от текста» анализируются все его характеристики. Модель содержит поэтому, кроме лингвистической, текстуальную (текстологическую) и социолингвистическую составляющие. Она уже неоднократно применялась на материале культурно-языкового континуума т. н. *Православной Славии (Slavia Orthodoxa)* в заключительный ее период. С течением времени становилось, однако, все более очевидно, что такой филологический подход лишь в ограниченной степени позволяет выявлять содержащиеся в тексте сведения о культурной и жизненной парадигме, о шкале ценностей, о восприятии мира человеком и обществом в разные периоды, в разных регионах и социумах. Поэтому в модель была включена четвертая – этнолингвистическая – составляющая. В настоящее время разрабатывается ее методологический аппарат.

В соответствии с этим основной целью данной работы является привлечение внимания к этнолингвистическому потенциалу старой славянской письменности. Работа задумана как первая в планируемой серии статей и посвящена преимущественно методологическим аспектам исследования, описанию корпуса и его культурно-исторического контекста. Будут представлены и некоторые из уже полученных результатов.

Наш подход базируется на концепции Православной Славии и оперирует на светском ее текстовом материале. Православная Славия понимается нами как гомогенный многовековой культурный континуум православных славян (в древности и румын), исключительно стабильный во времени и пространстве¹. Культура православного славянства в прошлом показывает целый ряд специфических черт, отличавших ее как от современных ей неправославных славянских культур, так и от западноевропейской. Поэтому исследовать их и моделировать целесообразно отдельно. Интерес к конечной фазе Православной Славии и началу перехода на культурные модели Нового времени мотивиро-

---

¹ Эту концепцию в научный обиход ввели Н. И. Толстой и Рикардо Пиккио (Толстой 1961; Picchio 1962). Аналогичные взгляды представлены также в работах А. Исаченко, Г. Хюттл-Фольтер (Хюттл-Ворт), Б. А. Успенского, В. М. Живова (см. список литературы). Однако историческая славистика все еще оперирует преимущественно в узких рамках современных (!) славянских языковых стандартов, что нельзя признать методологически адекватным подходом.

ван, с одной стороны, тем, что эта фаза изучена и описана сравнительно слабо. С другой стороны, именно в этот поздний период в особенной степени выражена внутренняя дифференциация православного славянского мира – пути перехода к новой культуре и формирования новых письменных и литературных языков, временные рамки этого процесса значительно различаются в отдельных его регионах².

Обращение к светской письменности обусловлено ее локальной вариативностью – в отличие от доминантной и почти неизменяемой в течение веков письменности сакральной, особенно в верхних ее жанровых регистрах³. Как ни парадоксально казалось бы на первый взгляд, если учесть этнокультурную специфику отдельных регионов Славии, подход к материалу в рамках ее глобального контекста, не только не препятствует выявлению этнолингвистической специфики, но делает ее даже более пластичной. Светская ее письменность действительно показывает выраженную региональную специфику – но специфику, сформировавшуюся в концепциональных рамках заданного культурного единства. Специфика эта в разных жанрах выражена, конечно, в разной степени. Наиболее адекватно повседневную жизнь, ее восприятие и восприятие мира, круг интересов человека и общества отражают наименее официальные жанры. Поэтому в корпусе не представлена актовая письменность, государственные договоры и под.

Наш корпус не совсем однороден – и в жанровом, и во временном отношении, что обусловлено, в первую очередь, слабостью текстовой базы, доступной для исследования. В него входят:

1. Частная переписка (более 1000 писем) поздней Московской Руси и Петровского времени (1603–1731 гг.) (ср. Kretschmer 1998, 2009; Кречмер 2009, 2012, 2018). Социальный диапазон переписки очень широк, в ней представлены почти все слои тогдашнего русского общества, кроме крестьянства – от правительственных и близких к ним кругов вплоть до приказчиков и старост.

2. «Славяносербские хроники» (к. XVII – нач. XVIII века), созданные Георгием (Джордже) Бранковичем, сербом на венгерской и австрийской службе (Бранковић 2008, 2011; Kretschmer 1999, 2008). Они описывают историю славян и их соседей, начиная со времен раннего

---

² Именно для таких пограничных этапов развития особо значимо замечание А. А. Алексеева о том, что «историческая действительность не имеет перерывов» и что «новый период начинают те же люди и те же тексты, которые завершают старый» (Алексеев 1993: 240).

³ Иерархическую модель жанрового канона Православной Славии сформулировал Н. И. Толстой (1988).

христианства и формирования Нового Рима – Византии – и заканчивая первыми годами XVIII века⁴.

3. Славяносербская письменность (ок. 1760 – ок. 1850 гг.)⁵, созданная сербами, бежавшими от турецких репрессий и заселявшими с конца XVII века коронные венгерские земли в империи Габсбургов (ср. Kretschmer 1989, 2012а, б; Кречмер 2007, 2008).

В рамках данной работы детальная презентация самого анализа не представляется возможной (этому будет посвящено отдельное исследование). Ограничимся здесь поэтому некоторыми наиболее значимыми, на наш взгляд, результатами исследования этнолингвистической составляющей письменности, входящей в наш корпус.

Так, частная переписка поздней Московской Руси показывает практически исключительную ориентацию только на то, что можно условно назвать «микромиром». Этот микромир русского человека предпетровской эпохи составляют заботы повседневности, прежде всего, хозяйственные, и проблемы выживания – в рамках своей семьи (рода). Показательно, что в этом микромире, за очень редкими исключениями, не представлен мир эмоций и чувств, даже в общении ближайших родственников. Показательно и отсутствие «макромира», отсутствие всякого интереса к «большой» истории – даже у тех авторов писем, которые вершили политические судьбы русского государства, как князь Василий Голицын, боярин Т. И. Стрешнев (дядька царя Петра), думный дьяк Федор Шакловитый. Показательно, далее, и отсутствие интереса к знанию и познанию, к науке и искусству как таковым, как и отсутствие гражданского сознания – русский человек этой эпохи не осознает себя членом общества, элементом государства.

Показательно, наконец, и то, что в переписке эпохальные перемены царя-преобразователя начинают отражаться лишь очень постепенно и выборочно. Исходной точкой и эпицентром инноваций является ближайшее окружение Петра – но только настоящие его сподвижники. Постепенно инновации начинают входить в жизнь двора, особенно молодых придворных, а также молодых, социально активных офицеров и чиновников на службе государевой. Новые взгляды, новая шкала ценностей, новые нормы социального поведения очень постепенно расходятся концентрическими кругами (в региональном и социальном аспектах), охватывая все более широкие контингенты русского обще-

⁴ «Хроники» сохранились в единственном экземпляре (видимо, протографе). Рукопись объемом около 2500 страниц, с правками рукой самого автора, хранится в библиотеке Сербского патриархата в Белграде (сигн. Р90).

⁵ Мы оперируем преимущественно на материале XVIII – первой четверти XIX вв.

ства⁶. Этот процесс длился, судя по всему, не только десятилетия, но века. Пока нам известно о нем слишком мало – для каких бы то ни было основательных заключений необходимо значительно расширить текстовую базу исследования.

Автор «Славяносербских хроник», Георгий (Джордже) Бранкович (ок. 1645-1711 гг.), был отпрыском известной и уважаемой семьи, представителем просвещенной сербской элиты на территориях под венгерской властью.⁷ Дядя по отцу и старший брат, после смерти родителей ставшие его воспитателями, были оба известными церковными иерархами. Следует отметить, что абсолютное большинство биографических данных о Бранковиче, особенно относительно его происхождения, детства и юности, мы черпаем из его же «Хроник». Именно этот их субъективный характер, как и то, что эти биографические данные не относятся к непосредственной тематике «Хроник», труда историографического, делают их особенно интересными для исследования. Мы видим здесь человека «за текстом» и восстанавливаем его личность, круг его интересов, его мировоззрение через его же текст.

Так что же это был за человек, этот Георгий Бранкович, серб, которому австрийскими властями за доблестную службу пожалован был титул сначала барона, а затем и графа? Сквозь текст созданных им «Хроник» перед нами предстает человек, воспитанный полностью в духе Православной Славии, глубоко верующий, свободно владеющий церковнославянским и практически наизусть знающий Писание. Но одновременно знающий и историю – как историю христианства, так и всеобщую. Человек, владеющий кроме родного сербского и церковнославянского, латынью, греческим, венгерским, немецким, румынским, турецким; знаком ему был и тогдашний письменный русский язык. Человек весьма начитанный – как в традиционной письменности Православной Славии, так и в Античности и, в целом, в истории. Однако беллетристика как таковая практически нигде в «Хрониках» не тематизируется –

---

⁶ Еще в 1770-е гг. старая система видения и восприятия себя и мира ощутимо представлена в переписке даже высшей петербургской знати – например, в переписке братьев, князей Голицыных (Котков 1981, письма 19–28).

⁷ Тождество фамилий семьи Бранковича и рода сербских средневековых деспотов Бранковичей, бывших в родстве по женской линии с королевской и царской династией Неманичей, дало основание автору «Хроник» объявить себя их потомком – и претендентом на сербский престол. Несмотря на то, что эти его амбиции не предполагали политической автономии сербских земель, они тем не менее слишком опасными казались Венскому двору. Поэтому последние двадцать с лишним лет своей жизни Бранковичу пришлось провести под домашним арестом. В тюрьму из-за своей политической деятельности попал в свое время и старший его брат, владыка Сава.

если исключить редкие упоминания об отдельных «славных» авторах древности, Античности и Эллинизма. И это, скорее всего, не случайно. Бранкович не мог не наследовать традиционной культурной установки Православной Славии, в которой беллетристика сама по себе – чтение для эстетического удовольствия и/или для развлечения – просто не была предусмотрена. Но как человек, знакомый с культурным наследием европейской Античности, он был хотя бы наслышан об определенных авторитетных авторах – которые им воспринимались, однако, в первую очередь, как источник культурного наследия и знания. Принадлежность, хотя, возможно, и не в равной мере, к обоим культурным парадигмам, и православной славянской и западноевропейской, проявляется в «Хрониках» во многих аспектах.

Весьма значимым, на наш взгляд, является следующий – стремление к знанию и познанию как таковым, не связанным с какими бы то ни было практическими, утилитарными целями, не приносящим человеку, к ним стремящемуся, никакой материальной выгоды. Оно ярко выражено у автора «Хроник», которого можно рассматривать как представителя, хотя и выдающегося, сербского социума под венгерско-австрийской властью в конце XVII в. Понятно, что в жизненном контексте обычного сербского крестьянина, занятого проблемами выживания и прокормления семьи, такие «высокие» интересы были представлены в лучшем случае маргинально. Но, во-первых, народные массы никогда не были в прошлом носителями и проводниками цивилизационной культуры и абстрактного знания. А во-вторых, авторами и получателями представленной выше частной русской переписки тоже были, за редким исключением, не крестьяне. По социальному своему положению они были соотносимы автору «Хроник», а нередко были и выше него. Однако весь круг их жизненных интересов – по материалам переписки – был исключительно материально-бытовым.

О круге интересов Бранковича мы можем судить, конечно, только по его фундаментальному труду, труду историографическому, в центре внимания которого – история славян, особенно сербов, и их соседей. Но проматривается его интерес и к другим материям. Так, центральное место в первой из пяти книг «Хроник» занимает история раннего христианства, преследования христиан, после его победы – борьба с ересями. Казалось бы, это вполне естественный интерес для образованного православного славянина из upper middle class. Но ничего подобного мы не встречаем в русской переписке – и это показательно. И не только в переписке. Другие данные, исторические и текстовые, например, история Никоновской реформы, раскола, старообрядческая письменность

(а еще веком ранее «Стоглав» и «Домострой») показывают принципиально иную установку Московской Руси и в аспекте религии. Фокус здесь направлен на веру как таковую, не на знание, а на буквальное соблюдение обрядового уровня. У Бранковича церковные отцы предстают перед нами пластичными личностями, разбирается их аргументация и комментируется позиция, дается анализ работы Вселенских соборов. В Московской же Руси их имена используются в полемике как семиотически значимые единицы сами по себе – а сущность концепций и дискуссий раннего христианства не является предметом интереса. Далее, православие поздней Московской Руси имеет четко прослеживаемую этническую коннотацию, идеологическим его фундаментом является доктрина «Москва – Третий Рим». Тот факт, что православие возникло в Византии, оттуда перешло в Моравию, Паннонию и к южным славянам, в то время как восточное славянство долго еще оставалось языческим – все это находится вне круга интересов участников переписки.

Значимым является и рецептивный аспект – восприятие данного корпуса современниками, его возможное влияние на них и на последующие поколения. «Хроники» Бранковича (хотя на каждом развороте рукописи и написано посвящение «наследникам славяносербским») писались для его современников – и будущих поколений ученых сербов. А они его читали, и не только современники – в настоящее время известны две поздние редакции «Хроник», 1748 и 1787 гг.⁸. Известно также, что «Хроники» были важным, возможно, важнейшим источником для новой сербской историографии, возникающей в рамках славяно-сербской культуры в XVIII в.⁹. Этим поколениям «Хроники», таким образом, передали видение мира, в них отраженное, свою картину исторического развития в целом и истории славянства в особенности. И здесь мы опять встречаемся с культурной преемственностью эпох, о которой писал Алексеев (ср. в.), – «Хроники» Бранковича были мостом, связывавшим историографию, восприятие истории в Православной Славии и в Европе. И сам он был связующим звеном – и одновременно границей – между сербским социумом на венгерских коронных землях до и после Великого переселения сербов на территорию тогдашней южной Венгрии в конце XVII и в первой половине XVIII века.

⁸ Обе хранятся в фондах библиотеки Сербского Патриархата. Это именно редакции, не списки, язык их еще не исследован, но показывает черты позднего т. н. рускославянского узуса.

⁹ С ними были знакомы и использовали их в своих трудах авторы обоих наиболее авторитетных исторических сербских трудов этой эпохи, Павле Юлинац и Йован Райич.

С другой стороны, и старое русское частное письмо имеет свой рецептивный аспект¹⁰. Так, очевидна определенная связь узуса, представленного в частном письме, с деловой письменностью. Имеются в виду только менее официальные (и одновременно широко распространенные) жанры этой письменности (*челобитные, сказки, распросные речи*, различные *рописи* и под.) и только сама установка на нормированность как таковую. Эпоха первых Романовых ознаменовалась небывалым дотоле расцветом бюрократии и административного аппарата на Руси – а тем самым и делового языка. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что довольно широкие слои русского общества были в достаточной степени знакомы с дистинктивными характеристиками наиболее частых жанров письменного делового узуса. И что в переписке они на них ориентировались – поскольку ориентация на церковнославянскую норму была в мировоззренческих рамках русского человека, человека Православной Славии, просто-напросто немыслима. Она принципиально исключалась главным для диглоссической языковой ситуации этого ареала принципом дополнительного функционального распределения обеих субсистем диглоссии – сферы их применения были четко разделены¹¹.

Такую ориентацию на определенную, заданную «авторитетными» текстами норму Алексеев считает важным фактором ее стабилизации и традирования (Алексеев 1987, 34–35). Фактом, во всяком случае, является высокая степень стабильности нормы частной переписки, не зависевшей в течение десятилетий и веков практически ни от каких других параметров письма, как то: возраст, пол, социальный статус / социальная дистанция, время и место написания, интенциональность и т. д. Необходимо оговориться: временной фактор играет роль, и точкой отсчета при этом является время Петровских реформ. Но, как уже упоминалось выше, изменения в письме начинаются со значительным временным отрывом от самих реформ и проникают в переписку очень постепенно. Значимыми при этом становятся два фактора (причем в комбинации) – социальный статус и возраст¹².

¹⁰ Так, до сих пор невыясненным остается вопрос об источнике и механизмах традирования т. н. *формулярника* частного письма. Норма, представленная в старых *письмовниках*, не соответствует норме частной переписки (ср. Kretschmer 1998, 63, 65–66).

¹¹ Ср. наблюдения Н. И. Толстого (1981) о распаде диглоссии в сербском регионе Православной Славии.

¹² Старая норма частного письма при этом не исчезает, но спускается все ниже по социальной шкале – она все еще представлена в письмах рубежа XIX–XX, авторами и получателями которых были т. н. «простые люди». Это хорошо видно в исследо-

Третий исследуемый корпус, славяносербская письменность, по ряду показателей отличается от обоих других. Объединяет их принадлежность к Православной Славии, в конечной ее фазе. Кроме того, эта письменность интересна для исследователя почти полной своей неизученностью. Различает их временной фактор – славяносербская письменность является продуктом эпохи Просвещения, хотя и в своеобразной ее православной интерпретации. Кроме того, славяносербская культура представляет собой то, что мы условно называем «островным» архетипом внутри Православной Славии – в отличие от т. н. архетипа «материкового». К последнему можно отнести культуры Киевской и Московской Руси, дотурецкие культуры православных южных славян, а в определенной степени, видимо, и сербскую культуру под турецкой властью. В качестве рабочего определения «островных» культур можно принять следующее: это культуры православных славян, живших в силу определенных исторических событий в статусе меньшинства в иноязычном, иноконфессиональном и инокультурном мажоритарном окружении, иногда в течение веков. К этому типу, кроме славяносербской традиции, можно отнести также многовековую культурно-письменную традицию восточных славян на землях Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Что же касается культуры, представителем которой был автор «Славяносербских хроник», то тут пока можно строить только предположения¹³.

Вернемся к славяносербской культуре и ее письменности. В конце XVII и в течение XVIII вв., в результате массовых миграций сербов с завоеванных турками территорий, на коронных землях тогдашней Южной Венгрии возникает зона компактного сербского заселения. Здесь формируется сербский социум нового типа, во многом отличный

ванной О. Йокоямой частной переписке этого периода (ср. Yokoyama 2008; Кречмер 2013).

¹³ Эта культура – по тому немногому, что мы сегодня о ней знаем – была глубоко укоренена в парадигме Православной Славии. Однако сербский социум здесь, находившийся после окончательного распада средневековой сербской державы под властью венгерской короны, лишен был тем самым важной характеристики «материковой» культуры – государственности и мажоритарного статуса. Возможно, и даже вероятно, что здесь со временем сформировался бы «островной» тип. Но исторический контекст помешал этому – данный регион был в течение многих десятилетий театром сражений с османскими завоевателями, граница здесь постоянно передвигалась. В такой ситуации всякое культурное развитие стагнирует. Трудно пока сказать и что-либо определенное относительно возможной преемственности между культурой этих сербов и формирующейся несколько десятилетий спустя славяносербской культурой. Но это вполне представимо – как по близости географической, так и временной. Однако вопрос этот заслуживает отдельного исследования.

от преимущественно рурального общества дотурецкой Сербии, которое в основных своих чертах консервируется и под турецкой властью. На австрийских же землях возникает преимущественно городская, гражданская сербская культура, культура эпохи Просвещения – пластично объединяющаяся со старой, православной.

Это хорошо заметно в сфере образования – остановимся на ней поэтому детальнее. Старая православная модель здесь уже в 1720-е годы сменяется русской, возникшей в Петровскую эпоху – под сильным и прямым не только западноевропейским влиянием, но и (возможно, даже в большей степени) т. н. *третьим церковнославянским*, т. е. влиянием западного типа православной славянской культуры на позднюю Московскую Русь и раннюю Петровскую Россию¹⁴. Здесь конкретно имеется в виду практиковавшаяся у восточных славян, подданных Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, система школьного образования, объединявшая в себе принципы как старой православной школы, так и эллинистических семи свободных художеств. Эту модель и привезли к сербам в Австрию во второй половине 1720-х гг. присланные по просьбе Карловацкой митрополии из России учителя. На смену традиционным учебным пособиям старой православной школы, по которым учили церковнославянскую грамоту – *Часослову*, *Апостолу* и *Псалтыри* (остававшимся, конечно, в школе в качестве религиозной составляющей образования и далее), приходят настоящие учебники. Но это все еще учебники церковнославянского и на (русско)церковнославянском – русские учителя привозят с собой грамматику Мелетия Смотрицкого (1577-1633) и букварь владыки Феофана Прокоповича (1681-1736). Оба автора – выходцы из т. н. Юго-Западной Руси, сформировавшиеся как личности в «островном» типе православной славянской культуры на землях польско-литовского государства. Они и другие, подобные им, были проводниками этого третьего церковнославянского влияния.

Период «русских» школ у сербов заканчивается с фундаментальной реформой школьного образования в Австрии по системе выдающегося педагога Й. Фелбигера, инициированной в 1770-е гг. просвещенной монархиней Марией-Терезией. В результате этой реформы массовый доступ к самому современному в тогдашней Европе типу образования открывается и для многочисленных меньшинств полиэтнической империи Габсбургов. Обучение в «элементарной» школе (а основной контингент учеников посещал только ее) велось на языке данного меньшин-

---

¹⁴ К вопросу этого влияния мы в данной работе обращаться не будем – он не является непосредственным ее предметом, а в силу своей важности требует специального подхода.

ства (хотя в обучении в определенной степени присутствовал и немецкий). К использованию в школах допускались теперь только учебные пособия, созданные в самой империи по системе Фелбигера (в начальный период – только им самим). Тем самым был фактически положен конец старой, исключительно сакрально ориентированной школе Православной Славии и традиции употребления церковнославянского как (мета)языка преподавания. Возникают первые сербские учебники, написанные на языке, который принято называть *славяносербским*¹⁵.

Эта славяносербская культурно-письменная традиция стремительно развивается. К 1790-м годам она имеет уже дифференцированную систему функциональных стилей и огромный текстовый корпус (ср. Kretschmer 2004). Этот корпус – как и сама эта культура в целом – показывают ряд дистинктивных характеристик, отличающих их от культуры и письменной продукции мажоритарного австрийского окружения. Объединяют их дух и парадигма европейского Просвещения. А разграничивает – специфика православной славянской «островной» культуры. Это, во-первых, собственно наследие Православной Славии, стабильно сохраняющееся в культурной модели австрийских сербов – но уже не являющееся априорной ее доминантой. Славяносербская письменность показывает выборочность в жанровом репертуаре – в ней поздно и весьма постепенно появляется беллетристика как таковая. О причинах этого пока можно только догадываться. Возможно тут влияние старой православной культуры – в которой мотив развлекательности *sui generis* не мог быть значимым, а чтение и слушание (практически исключительно сакральных) текстов служило прежде всего цели спасения души реципиента¹⁶. Но причиной такой жанровой избирательности мог быть также жизненный контекст славянского меньшинства в Австрии. Для успешного выживания этноса и сохранения его идентичности в условиях постоянного ассимиляционного давления, прежде всего конфессионального и культурного, первоочередной становилась задача именно просвещения этого этноса – полностью в духе идей Просвещения.

В славяносербской печатной продукции представлены соответствен-

¹⁵ Начальная фаза славяносербской культуры начинается, однако, еще до школьной реформы, в 1760-е гг., и связана прежде всего с двумя именами – Захарии Орфелина (1726–1785) и Павла Юлинца (1731/32–1785). О сущности ее и динамике развития мы и сегодня знаем все еще очень мало (хотя исследования здесь в последние годы несколько оживились) – хотя основы системного подхода к этой тематике были заложены еще в 1970-е гг. в работах Н. И. Толстого (ср. Толстой 1978, 1979), а до него, еще в 1930-е гг. у Б. О. Унбегауна (Unbegaun 1935) .

¹⁶ Ср. уже упомянутую модель жанрового канона Православной Славии (Толстой 1988).

но, в первую очередь, учебники и пособия, морально-поучительная литература, исторические сочинения¹⁷. В первые десятилетия доминирует литература переводная и/или адаптация иностранных источников – в сугубо сакральном жанровом наследии Православной Славии светская литература, как известно, не была представлена. Однако довольно быстро возникают и оригинальные произведения. Существенным фактором является и появление периодики – со временем весьма востребованного жанра у все более широких кругов читающей сербской публики. Если первый сербский журнал, «Славносербский магазин»¹⁸, созданный Захарией Орфелином в 1768 г. по образу и подобию тогдашних русских журналов и альманахов, вышел в единственном номере, то в начале 1790-х гг. начинают уже довольно регулярно (обычно дважды в неделю) выходить газеты. Это «Сербския новины повседневныя» (1791–1792 гг.), «Славенно-сербския ведомости» (1792–1794 гг.) и «Новине сербске» (1813–1822). Большой популярностью у сербского читателя пользовались и «Месяцесловы», все более теряющие свою исходную религиозную тематическую доминанту. Они давали массу полезной для повседневной жизни информации – о ярмарках и торгах, лунный календарь, советы «домашнего доктора», рекомендации по сельскому хозяйству. А вместе с тем небольшие популяризаторские тексты по истории, географии, морально-поучительные – и просто рассказы, новеллы, юморески. Так беллетристические тексты входят в круг чтения тогдашнего сербского общества¹⁹.

Все названное выше можно отнести к разряду опосредованных этнолингвистических данных. Они в корпусе доминируют, что вполне объяснимо с учетом его характера – это письменная традиция с развитой жанровой системой, просуществовавшая многие десятилетия и оставившая огромный текстовый материал. Но корпус содержит и непосредственные этнолингвистические данные. Прежде всего, там, где в тексте представлена культурно-языковая позиция славяносербского автора

---

¹⁷ Прекрасный – но до сих пор практически единственный – систематический обзор печатной сербской продукции в XVIII в. дает «Српска библиографија XVIII века» (Михаиловић 1964).

¹⁸ Названия здесь и далее даются в современной кириллице.

¹⁹ Аналогичный жанр, по сути своей календарный, но с добавлением житейских советов и «легкой» литературы, не обремененной излишней интеллектуализацией, был весьма популярен в начале Нового времени среди «простых» людей. Отголоски его видны и сегодня в разного вида «текстовых» и тематических календарях, и сегодня горячо любимых российской публикой. И не только ею – как показывают лужицко-сербские ежегодники-альманахи (*Protyka, Pratyja*), не только популярные, но ставшие даже символами культурно-этнической принадлежности.

(переводчика / адаптатора). Это высокочастотные в корпусе обращения к читателю в предисловиях, вводных замечаниях и под. Это – также фреквентные объяснения слов и реалий, мало или совсем не известных сербскому читателю. Как особый подтип можно рассматривать и технику перевода (адаптации), где близкими и понятными этому читателю делаются уже не отдельные слова, а целые ситуационные контексты²⁰.

Главной целью этой работы было показать важность этнолингвистического исследования старой славянской письменности и предложить некоторые возможные пути и методы такого подхода. В фокусе внимания – не случайно – была письменность заключительного этапа Православной Славии и перехода (на примере сербского и восточнославянского регионов) на культурные модели европейского Нового времени. Мы разделяем взгляд А. А. Алексеева на то, что «новый период начинают те же люди и те же тексты, которые завершают старый» (Алексеев 1993: 240).

Исследованный текстовый материал показывает, что эти люди – все православные славяне, выросшие и сформировавшиеся в культурном контексте Православной Славии – были разными в Московском государстве, на сербских землях под венгерской (австрийской) властью, в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой. В чем и насколько разные, поможет узнать дальнейшее исследование сохранившегося текстового корпуса. Чем вызваны эти различия, вопрос значительно более сложный, для ответа на который только примарного корпуса может быть недостаточно. Под примарной здесь понимается письменность, созданная славянами в отдельных регионах Православной Славии. Нужно будет, видимо, привлечь и другие источники, например, свидетельства иностранцев, исторические документы – позволяющие реконструировать «микроисторию», историю частной жизни и повседневности. И собственно исторические исследования²¹.

Как уже было упомянуто в вводной части, работа эта задумана как первая в серии, посвященной системному изучению и описанию этнолингвистической составляющей старой, донациональной, достандартной письменности Православной Славии. Исследования не ограничиваются, конечно, только этим ареалом – но для неправославного славянского ареала методологию нужно будет, видимо, разрабаты-

²⁰ Этой теме будет посвящена отдельная работа в планируемой серии статей.

²¹ Упомянем в данной связи прекрасную сербскую серию, посвященную частной жизни, особенно те ее тома, которые рассматривают переходный культурный период: «Приватни живот у српским земљама у освит модерног доба» (Фотић 2005) и «Рађање модерне приватности» (Тимогијевић 2006).

вать отдельно. И, возможно, даже отдельно для отдельных ее регионов – *Slavia Latina (Romana)* не имела аналогичной Православной Славии гомогенной культурной парадигмы. Однако и здесь, по нашему убеждению, остаются в силе уже упомянутые принципы научного подхода от конкретного текста во всеми его характеристиками, в конкретном культурно-языковом пространстве – при принципиальном отказе от априорной селекции материала. Только такой подход позволит (через текст) реконструировать сознание и мироощущение отдельных эпох и регионов.

References

- Alekseev Anatolij A., 1987, Puti stabilizaciji jazykovej normy v Rossii XI–XVI vv. *Voprosy jazykoznanija* 2, 34–46.
- Alekseev Anatolij A., 1993, Vnutrennjaja hronologija russkogo literaturnog jazyka. Toporov, V. N. (red.). *Philologia Slavica (k 70-letiju akademika N. I. Tolstogo)*. Moskva, 238–244.
- Branković Đorđe, 2008, *Hronike slavenosrpske. Srpska akademija nauka i umetnosti*. Priredila Ana Krečmer. Kritička izdanja srpskih pisaca VII. Beograd.
- Branković Đorđe, 2011, *Hronike slavenosrpske. Srpska akademija nauka i umetnosti*. Priredila Ana Krečmer. Kritička izdanja srpskih pisaca VIII. Beograd.
- Fotić Aleksandar i dr. (prir.), 2005, *Privatni život u srpskim zemljama u osvit modernog doba*. Beograd.
- Hjuttl-Fol'ter Gerta (Hüttl-Folter), 1978, Diglossija v Drevnej Rusi. *Wiener Slawistisches Jahrbuch* 24, 108–123.
- Hjuttl-Fol'ter Gerta (Hüttl-Folter), 1987, Jazykovaja situacija Petrovskeje èpohi i voznikovenie russkogo literaturnog jazyka novogo tipa. *Wiener Slawistisches Jahrbuch* 33, 7–21.
- Issatschenko Alexander, 1983, *Geschichte der russischen Sprache*, Bd 2, Heidelberg.
- Issatschenko Alexander. *Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache*. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 298. Bd., 5. Abhandlung. Wien 1975.
- Kotkov Sergej I. (red.), 1981, *Pamjatniki moskovskoj delovoj pis'mennosti XVIII veka*. Moskva.
- Krečmer Ana, 2007, Slavenosrpska pismenost i njeno značenje za istorijsku srbistiku. *Šezdeset godina instituta za srpski jezik SANU*. Zbornik radova I. Beograd, 313–320.
- Krečmer Anna, 2008, Smena kul'turnoj paradigmy v zerkale slavjanoserbskoj pis'mennosti. P. Piper, Lj. Radenković (ur.), *Etnolingvistička proučavanja srpskog i drugih slovenskih jezika (U čast akademika Svetlane Tolstoj)*. Srpska akademija nauka i umetnosti. Odeljenje jezika i književnosti. Srpski jezik u svetlu savremenih lingvističkih teorija, knj. Z. Beograd, 187–197.
- Krečmer Anna, 2009, Čelovek i socium na Rusi XVII–XVIII vv. S. M. Tolstaja i dr. (red.), *Kategorija rodstva v jazyke i kul'ture*. Moskva, 36–56.

- Krečmer Anna, 2018, Makro- i mikromir ruskog človeka poznej Moskovskoj Rusi (na materiale častnoj perepiski). E. N. Rudenko, A. A. Kožinova (red.), *In honorem* (sbornik statej k 90-letiju A. E. Supruna). Minsk, 133–145.
- Krečmer Anna, 2012, Kartina mira Pravoslavnoj Slavii nakanune Novogo vremena (na ruskom i serbskom materiale). E. L. Berezovič i dr. (red.), *Ėtningvistika. Onomastika. Ėtimologija. Materialy II Meždunarodnoj naučnoj konferencii*. Ekaterinburg, 8–10 sent. 2012 g. Ekaterinburg, 29–30.
- Krečmer Anna, Olga. T. Yokoyama, 2013, Russian Peasant Letters. Texts and Contexts. *Wiener Slawistisches Jahrbuch*. NF. Bd. 1, 327–330.
- Kretschmer Anna, 1998, *Zur Geschichte des Schriftrussischen*. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhunderts. *Specimina Philologiae Slavicae*, Suppl. 62. München.
- Kretschmer Anna, 1999, Od srpskoslovenskog ka ruskoslovenskom (na materijalu „Hronika” Đ. Brankovića). *Naučni sastanak slavista u Vukove dane 28/2*. Beograd, 197–202.
- Kretschmer Anna, 2004, Formirovanje funkcionalnih stilova u srpskoj pismenosti u doba Vukovih reformi. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane 32/1*. Beograd, 201–210.
- Kretschmer Anna, 2008, Eine sprach- und kulturhistorische Studie zur Endphase der Orthodoxen Slavia: serbische Chroniken von Đ. Branković. *Die Welt der Slaven*. Sammelbände, Bd. 32 (Deutsche Beiträge für den 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid), 205–216.
- Kretschmer Anna, 2009, Čelovek za pis'mom (ruskij čelovek Petrovskogo vremena v častnoj perepiske). J. Besters-Dilger, F. Poljakov (Hg.), *Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert: Tradition und Innovation – Russkij jazyk i literatura v XVIII veke: tradicija i inovacija* (Gedenkschrift für G. Hüttl-Folter). *Russkaja kul'tura v Evrope – Russian Culture in Europe 5*. Frankfurt/M. u. a. O., 267–287.
- Kretschmer Anna, 2012a, Slawenoserbisch als Phänomen der serbischen Sprach- und Kulturgeschichte und der Slavia Orthodoxa. G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.), An den Anfängen der serbischen Philologie. *Salo debeloga jera libo azbukoprotres* von Sava Mrkalj (1810–2010) – na počecima srpske filologije. *Salo debeloga jera libo azbukoprotres* Save Mrkalja (1810–2010). *Philologica Slavica Vindobonensia*. Bd. 1. Frankfurt/Main u. a. O., 21–47.
- Kretschmer Anna, 2012b, Šta bi bilo da nije bilo Vuka? G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.), An den Anfängen der serbischen Philologie. *Salo debeloga jera libo azbukoprotres* von Sava Mrkalj (1810–2010) – na počecima srpske filologije. *Salo debeloga jera libo azbukoprotres* Save Mrkalja (1810–2010). *Philologica Slavica Vindobonensia*. Bd. 1. Frankfurt/Main u. a. O., 281–285.
- Kretschmer Anna, 1989, *Zur Methodik der Untersuchung älterer slavischer schriftsprachlicher Texte* (am Beispiel des slawenoserbischen Schrifttums). (Slavistische Beiträge 241). München.
- Picchio Riccardo, 1962, Die historisch-philologische Bedeutung der kirchenslavischen Tradition. *Welt der Slaven VII*, 1–27.
- Timotijević Miroslav, 2006, *Radanje moderne privatnosti*. Privatni život Srba u Habzburškoj monarhiji od kraja 17. do početka 19. veka. Beograd.
- Tolstoj Nikita I., 1961, K voprosu o drevneslavjanskom jazyke kak obščem literaturnom jazyke južnyh i vostočnyh slavian. *Voprosy jazykoznanija 1*, 52–66.

- Tolstoj Nikita I., 1978, Literaturnyj jazyk u serbov v konce XVIII – načale XIX v. *Nacional'noe vozroždenie i formirovanie slavjanskih literaturnyh jazykov*. Moskva, 269–328.
- Tolstoj Nikita I., 1979, Literaturnyj jazyk u serbov v XVIII v. (do 1780 g.). *Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie*. Istorija literaturnyh jazykov i pis'mennost'. Moskva, 154–201.
- Tolstoj Nikita I., 1988, Otnošenje drevneserbskogo knižnogo jazyka k staroslavjanskomu jazyku. Tolstoj, N. I., *Istorija i struktura slavjanskih literaturnyh jazykov*. Moskva, 164–173.
- Tolstoj Nikita, 1981, Konkurencija i koegzistencija normi u književnom jeziku XVIII v. kod Srba. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane 10/1*. Beograd 1981, 33–40.
- Toporov Vladimir N., 1993, Moskovskie ljudi XVII v. (k zlobe dnja). Toporov, V. N. (red.), *Philologia Slavica* (k 70-letiju akademika N. I. Tolstogo). Moskva, 191–219.
- Unbegaun Boris, 1935, *Débuts de la langue littéraire chez les Serbes*. Paris.
- Uspenskij Boris A., 1983, *Jazykovaja situacija Kievskoj Rusi i ee značenie dlja istorii russkogo literaturnogo jazyka*. IX Meždunarodnyj s[2BA?]jezd slavistov. Doklady. Moskva.
- Yokoyama Olga T., *Russian Peasant Letters*, 2008, Texts and Contexts. P. 1 + 2. Slavistische Studienbücher NF 18. Wiesbaden.
- Živov Viktor M., 1996, *Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*. Moskva.

Najstarsza literatura Slavii Orthodoxa (podejście etnolingwistyczne)

Streszczenie: W artykule ukazano podejście etnolingwistyczne do świeckiej literatury słowiańskiej, tzw. Slavia Orthodoxa w jej końcowym okresie. W centrum zainteresowania autorki stanowią metodologiczne aspekty badań. Zaproponowane tu podejście opiera się na modelu filologicznym, który działa na poziomie tekstu i obejmuje językowe i niejęzykowe (tekstologiczne i socjolingwistyczne) cechy tekstu. Metoda ta została poszerzona o składnik etnolingwistyczny – jest prezentowana na bazie XVII–XVIII-wiecznych tekstów wschodniosłowiańskich oraz tekstów z serbskiego korpusu.

Słowa kluczowe: badanie tekstowe; podejście etnolingwistyczne; Slavia Orthodoxa – okres końcowy